

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Ольги Анатольевны ДЖУМАЙЛО
«Английский исповедально-философский роман 1980 — 2000 г.»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(американская и европейская литература)

Диссертация О.А. Джумайло представляет собой **фундаментальное исследование** литературного процесса в Великобритании в один из самых любопытных периодов его развития. Этот период, с одной стороны, аккумулирует основные тенденции динамики национальной литературы во второй половине XX в., в особенности наметившиеся в 1970-е гг., с другой — отражает своеобразие британской литературы тэтчеровского и посттэтчеровского этапа политической, социальной и культурной истории страны. Сказать о том, что этот период в развитии литературы Великобритании не был предметом осмысления в отечественной англистике нельзя: кандидатские и докторские диссертационные исследования Е.Н.Беловой, Я.С.Гребенчук, В.И.Демина, В.Г.Новиковой, О.Г.Сидоровой, С.А.Стринюк, С.П.Толкачева, О.В.Переходцевой, Е.Г.Петросовой и др., не говоря о большом количестве статей в разного рода научной периодике, свидетельствуют о незатухающем интересе российских англистов к этому периоду в истории литературы Великобритании, к сложнейшему взаимодействию реалистической, модернистской и постмодернистской эстетических парадигм. Работы О.А.Джумайло (и анализируемое диссертационное исследование, и ее монография, получившая основательный резонанс в кругах отечественных специалистов, ее проблемно-заостренные и свежие по подходам статьи в научных журналах) вносят существенный вклад в процесс освоения отечественной наукой указанного в заглавии работы периода (хотя по ходу исследования автор неизбежно выходит за рамка обозначенных временных границ, поскольку литературный процесс — явление «живое», непрерывное и целостное). Предложенный О.А.Джумайло исследовательский подход, определяющий **оригинальность** диссертации, попытка посмотреть на динамику литературного героя и его отношений с миром через призму обнаженного процесса самопознания и самооценки, нелицеприятного вопрошания самого себя, психолого-аналитического осмысления своего места в социуме современной Британии, «отлившегося» в определенную жанровую форму, открывает очень интересные **перспективы** вычерчивания сущностных контуров литературного процесса, т.е. словесно-образного освоения невероятно усложнившихся на стыке двух тысячелетий отношений человека с миром, его окружающим.

Иначе говоря, **актуальность** анализируемой диссертации совершенно очевидна, а в самой работе она весьма точно определена: на сегодняшний

день в отечественной англистике очень важно проанализировать сложнейшее переплетение реалистических и постмодернистских структур, составляющее своеобразие английской литературы рассматриваемого периода, увидеть обострение этико-нравственной парадигмы, отлившейся в том числе и в исповедальную повествовательную форму, осложненную постмодернистской поэтикой, системно и в конкретных именах и явлениях представить динамику литературного процесса Великобритании 1980-х — 2000-х гг. **Новизна** работы связана главным образом с тем, что на значительный корпус английских романов 1980-х — 2000-х гг. (более тридцати), составляющий **материал** исследования, О.А.Джумайло посмотрела в разрезе определенной жанровой модификации романа, ставшей **объектом** анализа, динамика которой трактуется как генеральная линия жанрового развития литературного процесса.

Не вызывает возражений и **цель** исследования, к достижению которой О.А.Джумайло идет уверенно и основательно: работа в самом деле не только стала глубоким и **новаторским** исследованием своеобразного и маркирующего главные особенности британской литературы периода феномена — философско-исповедального романа — в его истории от середины 1970-х до едва ли не 2010-х гг., но и обозначила ряд теоретико- и историко-литературных перспектив дальнейшего исследования литературного процесса Британии. Столь же серьезно продуманы теоретические и историко-литературные **задачи** исследования, необходимость последовательного решения которых предопределила **структуру** диссертации, ее исследовательскую динамику и привела автора **предмете** своего исследования, т.е. о жанровой, сюжетно-композиционной и повествовательной функции, роли и месте новой исповедальности как вопрошания, как своеобразной по форме и содержанию саморефлексии, как этапного явления в истории английской литературы, всегда отличавшейся повышенным вниманием к изображению процесса самопознания героя. Безусловно, в равной степени заслуживают одобрения **теоретико-методологические** посылки работы, связанные со сквозным историко-литературным характером жанра исповеди в истории английской литературы от века XVII к веку XXI, в том числе и с ее амбивалентной, как пишет автор, природой, когда исповедь стремится к завершенности (в рамках рисуемой судьбы и ее жизненных узлов), но по сути таковой в принципе не является, поскольку, как мы знаем и роман, и его герой являются «становящимися» (по М.Бахтину) и моделируют постоянное движение жизни. Принципиально важно, что размышляя об этом, автор работы учитывает серьезное воздействие на мировоззренческие установки большинства писателей, чьи романы оказались в центре исследовательского внимания, постмодернистской идеологии эпистемологического кризиса. **Теоретико-методологические основы** работы связаны также и с той стороной эстетики жанра исповеди, которая оказалась особенно акцентирована эпохой рубежа

тысячелетий, в частности — эстетики ранимости, психологической травмы, нравственной боли, аксиологической потеряности и бытийной «брошенности» (что существенно сближает в философском смысле исповедальную эстетику с экзистенциалистскими идеями). Наконец, еще одной (если не главной) теоретической посылкой работы становится ее поэтологическая заостренность, пристальное вглядывание в поэтику жанра в целом (как инварианта) и каждого из привлекаемых к анализу произведений. Отмечу, что одной из самых привлекательных сторон работы становится ее теоретическая оснащенность, связанная в том числе и с обращением О.А.Джумайло к значительному массиву философских, эстетических, исторических и собственно литературоведческих исследований на русском и иностранных языках по проблемам романа, литературного героя, характера, повествования, истории литературы, реализма, модернизма, постмодернизма.

Личный вклад О.А.Джумайло в исследуемую проблематику состоит в анализе десятков произведений британских авторов, их интерпретации и создании целостной картины весьма сложного периода истории национальной литературы в целом и жанра исповедально-философского романа в том числе; в выявлении внутренних закономерностей динамики литературы Великобритании в указанные десятилетия в контексте более общих проблем литературной, культурной и социально-политической истории страны.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности «10.01.03 – Литература народов стран зарубежья» по следующим пунктам: п.1. Роль литературы в формировании облика художественной культуры народов стран зарубежья, в определении путей их общественно-духовного развития; п.2. Периодизация мирового литературного процесса; проблемы стадиальности в эволюции литератур Запада и Востока; этапы развития ведущих национальных зарубежных литератур; п.3. Проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п.4. История и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп; п.6. Взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи; п.7. Зарубежный литературный процесс в оценке иноязычного и отечественного литературоведения и критики.

Научная ценность диссертации состоит в дальнейшей разработке теории жанровых романовых модификаций, их историко-литературных и эстетических основ, в развитии философского-эстетической сути такого литературного понятия, как «исповедальность» в его соотношении с понятиями «биографизм» и «автобиографизм», «дискурсивная этика», «неогуманистическое измерение текста» и некоторыми другими. Научная ценность работы связана также с плодотворным применением при анализе произведений жанра философско-исповедального романа эстетики

ранимости и категорий «trauma studies», равно как и категорий романной поэтики, особо акцентированных постмодернизмом: «ненадежный рассказчик», двойничество, mis-en-abyme, монтаж, парадокс и некоторых других.

Теоретическая значимость диссертации состоит в создании значительно более полной, по сравнению с ныне у нас имеющейся, картины британского литературного процесса 1980-х — 2000-х гг.; в том, что автор демонстрирует динамику философско-исповедального романа с точки зрения возрастающего этико-эстетического единства жанра, очевидного даже вопреки постмодернистской релятивности, игре, амбивалентности, размытости и неоднозначности нравственных императивов героя. Автор вводит в литературоведческий оборот концепцию исповедально-философского вопрошания, доминирующего в анализируемом жанре и демонстрирующего «воскрешение субъекта» в романе указанного периода в пределах целостности его этических ценностей, философско-мировоззренческих установок и позиций. Автор диссертации разрабатывает и использует комплексный методологический подход к анализу романов указанной жанровой модификации.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее материалов и итогов в вузовском преподавании и изучении британского литературного процесса XX — XXI вв., а также в применении методики анализа романов к произведениям других авторов и других стран.

Структура работы, как убеждает прочтение всей диссертации, продумана и отвечает необходимостям решения поставленных задач и достижения обозначенной цели исследования.

Теоретико-методологические и историко-литературные основы диссертации получают специальное развитие во «Введении», но особенно во втором его разделе «Западноевропейский исповедально-философский роман с позиций теоретической и исторической поэтики». В нем автор интересно размышляет над ключевыми для работы понятиями *исповедальность, роман-исповедь, биографизм (автобиографизм)*. Именно в этой части диссертации автор обосновывает неизбежность связки исповедального начала с философским, утверждает непервостепенность установки на (авто)биографизм в современном типе романа-исповеди (что, на мой взгляд, является достаточно спорным моментом, поскольку в моем представлении всякая исповедь предусматривает наличие в ней так или иначе реализованного биографического, чаще всего автобиографического, начала), подчеркивает важность экзистенциального опыта героя, внутри себя всегда противоречивого. Здесь же акцентируется принципиальная незавершенность «Я» исповедующегося героя и вопросаемость как проявление этой незавершенности. Этим автор справедливо объясняет неизбежное присутствие в повествовательной структуре английского исповедального романа 1980-х — 2000-х гг. «ненадежного рассказчика». Вопрошаемость же, по мнению исследователя, соединенная с предельной обнаженностью души героя, диктуют также обязательность присутствия (эксплицированного или

— что чаще происходит — имплицированного, подтекстового) конфидента (адресата) исповеди, что придает повествованию особые лиричность и изустность. В этой части введения вслед за М.Бахтиным, Ж.Деррида, П.Аксельмом, П.Бруксом О.А.Джумайло пишет об амбивалентности всякой исповеди с точки зрения открытости/неоткрытости исповедующегося героя и возможности «неполной правды», что является особенно показательным для исповедально-философского романа указанного периода в Англии. В этом разделе обозначаются восемь основных проблемно-тематических и структурно-поэтических критериев выделения жанра (см. стр. 43 — 44). Самый развернутый подраздел этой части введения справедливо посвящен истории жанра исповеди, отсчет которой О.А.Джумайло начинает с Блаженного Августина (и даже раньше — с Сенеки и Марка Аврелия). Конечно, совершенно правильным, на наш взгляд, становится тот факт, что больший акцент в этой части концептуального введения автор делает на том отрезке вектора развития жанра, который начинается с романтиков и Руссо. О.А.Джумайло принципиально считает поворотным пунктом в развитии той линии жанра, которая ближе всего к ее материалу (т.е. романам современных английских писателей), «Записки из подполья» Ф.М.Достоевского. Раздел, обращенный к Достоевскому и его роли в становлении исповеди как экзистенциального вопрошания (с.51 — 69), кажется одним из самых впечатляющих в этой части работы. Здесь очень много глубоких и интересных размышлений о сути экзистенциального опыта проживания психологической травмы и боли, потерь и смертей, о диалектике религиозного и светского, психологического и философского начал, о специфике поэтических средств, разработанных Достоевским и навсегда вошедших в практику жанра исповеди задолго до постмодернистского этапа его развития — двойничество, лейтмотивность, модели саморефлексии, образ исповедующегося анти-героя и пр.

Вместе с тем, сразу же добавлю к высказанному ранее несогласию по поводу необязательности для романа-исповеди (авто)биографизма еще одно **замечание**.

В выстроенном О.А.Джумайло ряду тех, кто сказал существенное слово в моделировании современной исповедальности, странным образом отсутствует имя Дж.Сэлинджера, программный роман которого оказал мощное воздействие на образчики исповеди молодого героя во второй половине XX в. Жаль, что это имя и роман «Над пропастью во ржи» не всплывают даже тогда, когда автор диссертации пишет об изустности как форме лиризации повествования в современном исповедальном романе. А между тем совершенно очевидны сэлинджеровские уроки тех писателей, кто создавал, например, исповеди «пацанов»: ранний Мартин Эмис, чье творчество по ходу работы справедливо отнесено О.А.Джумайло к тому, что англоязычные историки литературы называют 'lad-fiction' («пацанская литература»), тяготеет именно к этому типу повествования, равно как и не упомянутый, по-моему, ни разу в работе еще один известный создатель такого рода исповедей Ханиф Курейши («Будда из пригорода», «Близость»

— последний роман вообще любопытен тем, что взрослый человек, уже обремененный двумя детьми, тем не менее подростково «рубит с плеча», исповедально подводя итоги своей прошлой и неудачной, как он полагает, жизни и пытаясь найти себя заново). Конечно, необходимо признать заслугу исследователя, привлекшего к анализу тридцать восемь романов восьми писателей, а потому пропуск одного-двух романистов общей картины не меняет. Однако историко-литературная справедливость — вещь весьма важная, а в каких-то моментах и необходимая.

Принципиальной и методологически направляющей всю работу становится **первая глава диссертации** «Исповедальность и постмодернизм» и ее шесть подглав, где автор не только демонстрирует блестящую эрудицию в области теории, истории и практики постмодернизма (впечатляет список трудов по постмодернизму, освоенных и обильно цитируемых и комментируемых исследовательницей), но и убедительно анализирует в концептуальном аспекте ряд произведений Гр.Свифта, М.Эмиса, К.Исигуро, Дж.Барнса, Д.Томаса, И.Макьюэна, исходя прежде всего из посылки, что в избранных для «пристального чтения» романах («Водоземье», «Записки Рэйчел» и «Беременная вдова», «Безутешные», «Попугай Флобера», «Белый отель», «Искупление» и «Цементный садик») поднимаются две, по сути, центральных проблемы романа-исповеди периода — травмы и понимания/непонимания (принятия/непринятия) *Другого*. Сквозная идея анализа романов — особенности воспроизведения авторами опыта страдания и его проживания героями (нередко как бы даже реконструируемого самим героем-повествователем, как у Свифта в «Водоземье», или воображаемого и таким образом «осюжетиваемого», как у Макьюэна в «Искуплении»).

Именно в этом ракурсе О.А.Джумайло в каждом из подразделов подводит некоторые промежуточные, но весьма важные с точки зрения динамики идейно-тематического единства и поэтического своеобразия представленных в творческой практике писателей жанровых модификаций исповеди, итоги. Сразу скажем, что этот принцип построения глав и подглав диссертации соблюдается во всех остальных частях работы. В этой главе есть, на наш взгляд, особенно интересные места: размышления о двойничестве как исповедальности «с лазейкой» (по М.Бахтину) и «унылых каденциях» (с.86 диссертации) в «Безутешных» Исигуро, пассаж в разделе 1.2 о перекличке романа Барнса «Попугай Флобера» и эссе «О почтовой открытке» Ж.Деррида (с.98 – 100). В разделе 1.3 очень любопытны и по-настоящему эвристичны параллели между творчеством Мелвилла и романом Д.Томаса (в аспекте Trauma Studies); не менее привлекательны размышления О.А.Джумайло о второй части «Искупления» Макьюэна (в особенности дюнкерском эпизоде) как опыте столкновения героев романа с настоящим, а не мнимым, как в первой части, насилием и злом (войной); равно как и анализ этой части произведения как опыта перевоплощения автора «романа в романе» Брайони в страдающего *Другого* (с.125 – 126 диссертации). Не могу не отметить глубокие и доказательные аллюзии при разговоре о «Записках Рэйчел» М.Эмиса к У.Блейку и его «Песням Невинности» (как некая

ироническая параллель автора к «невинности» рассказчика в романе). Отмечу также один из первых в нашей англистике серьезный разговор о романе «Цементный садик» Макьюэна на основе сюжетно-тематического экзистенциалистского контрапункта и проблемы трагического удела в ситуации сгущенной обыденности (с.140 и далее). Меня также убедили те места в этом разделе, которые связаны с аллюзией к Камю и его «Постороннему», и акцент на экзистенциальном абсурде бытия, которое, бытие, подается в нарочито конденсированном («зацементированном») вещественном облике. Отмечу также исследовательское пионерство О.А.Джумайло: она, вероятно, первой в нашей науке (я имею в виду не только диссертацию, но и ее монографию и ряд статей) обратилась к роману М.Эмиса «Беременная вдова», обратив особое внимание на повышенную (в силу избранного автором типа героя-рассказчика) интертекстуальность. Здесь убедительны аллюзии и параллели с Шекспиром, Лоуренсом и, конечно, Набоковым. Важно, что диссертант специально пишет и о самоцитировании Эмиса – явлении сквозном для его творчества.

Как бы высоко мы ни оценивали эту главу работы, все же нельзя не сделать некоторые **замечания** к ней. Так, например, не совсем удачным кажется начало разговора о романе Гр.Свифта «Водоземье», когда анализ образа героя-рассказчика, вбирающего в себя едва ли не все приметы исповедальности в этом повествовании, возникает не сразу, а как-то побочно. В аспекте темы диссертации не совсем понятно звучит разговор о палимпсесности романа Свифта. Параллель с «Феликсом Холтом, радикалом» Дж.Элиот любопытна, но все же с точки зрения сплетения личного и социального, эпического и лирического гораздо уместнее смотрелись бы здесь аллюзии к «Сайласу Марнеру», а то и к «Миддлмарчу» (его «лидгейтовской» части), в особенности в аспекте идеи нравственного долга и последствий (в том числе и «наказания») когда-то совершенных поступков и принятых решений. На стр. 87 – 88 автор цитирует высказывания Кадзуо Исигуро 1998 г., которые, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют о тяготении писателя к более сложной, чем просто постмодернистская, поэтике, т.е. к правилам построения произведения на основе некой связности, что он и продемонстрирует позднее в «Остатке дня» или «Безутешных». Иначе говоря, вряд ли стоит трактовать его произведения, а также произведения некоторых других авторов, вошедшие в круг интересов диссертантки, как чисто постмодернистские. Думается, что характеры персонажей анализируемых романов строятся в том числе и на богатой национальной реалистико-психологической основе. Как представляется, одной из особенностей истории английской литературы на всем ее протяжении от Чосера до наших дней реалистическая составляющая литературного процесса не размывалась и не прерывалась. Вот почему кажется не всегда справедливым обязательное завершение интереснейших аналитических пассажей о романах повторяемой как заклинание фразой, умаляющей нередко богатство художественной палитры писателя: «В этом постмодернистском исповедальном романе...» Между прочим, если бы в

главе состоялся разговор о первой части «Исповедания», то автору диссертации пришлось бы с известной оговоркой писать об однозначной исповедальности этого романа в целом. Или, во всяком случае, увидеть ее поэтическое сосуществование с некоторыми другими жанровыми парадигмами. Кстати отмечу, что одной не до конца решенной проблем динамики жанра философско-исповедального романа становится разведение (или, наоборот, сведение) исповедей с «я»-рассказчиком и исповедей, повествовательно организованных от третьего лица.

Глава вторая представляется не менее интересной и концептуальной; более того, будь я автором диссертации, я сделал бы ее первой по порядку, поскольку она, как думается, всем своим пафосом отвечает на постоянно возникающий вопрос во время чтения предыдущих частей работы: если доминантами философско-исповедального начала в анализируемых романах указанного периода становятся психологическая и нравственная травмы, боль, страдания современного человека, то откуда они берутся? Вторая глава дает развернутый и доказательный ответ на этот вопрос всеми пятью разделами, но особенно показательны в этом отношении разделы 2.3, 2.4 и 2.5. Несомненной удачей исследователя надо назвать раздел, посвященный анализу романа Исигуро «Остаток дня», с его очень точным и тонким анализом «английскости» и изменяющимися с течением времени ее смыслом, содержанием и значением. Размышления о характере знаменитой английской сдержанности в контексте исповеди как непременного самораскрытия человека по ходу всего раздела, но особенно в его finale, необычайно убедительны. В разделе 2.3 плодотворным оказывается избранная структура некоего проблемного обобщения (review, survey), когда, например, размышления о поколенческом кризисе и стыде за страну, наполняющих повествование протагонистов, опираются не на один роман, а сразу и на «Успех» Эмиса, и на «Какое надувательство!» Коу, а разоблачение антропологии тэтчеризма базируется на анализе (пусть и кратком, но емком) «Амстердама» и «Дитя во времени» Макьюэна.

Не могу не высказать одно маленькое **замечание**: К.Черчилль, упоминаемый в этой главе, на самом деле «упоминаемая» Кэрил Черчилль, а ее сатирическая пьеса-обозрение (не роман) «Серьезные деньги» была написана ею в 1987 г.

В разделе 2.4. плодотворными оказываются размышления о постмодернистском симулякре при анализе художественного решения проблемы национальной идентичности в романе Барнса «Англия, Англия». Одной из самых концептуальных частей не только этой главы, но и всей диссертации, становится раздел 2.5, в котором О.А.Джумайло, аналитически опираясь на романы «Водоземье» Свифта, «История мира в 10 ½ главах» Барнса, «Там, где в дымке холмы» и «Не отпускай меня» Исигуро, сборник рассказов «Монстры Эйнштейна» М.Эмиса, убедительно показывает, насколько тотальным для английской литературы и культуры 1980 – 2000-х гг. был сюжет мировой катастрофы (атомной, генно-инженерной, техногенной, климатической, террористической, культурной и пр.).

Абсолютно убедительной является посылка автора диссертации о том, что исповедально-философское повествование, «нередко синтезирующее личное, философское и острополемическое начала» (с.248 диссертации), оказывается наиболее емкой жанровой формой, позволяющей дать впечатляющее словесно-образное осмысление возможного апокалипсиса, случись человечеству не прозреть и не опомниться. Анализ этих жанровых возможностей проведен очень убедительно и позволяет увидеть историко-литературную (и даже социокультурную) значимость жанра в избранный период английской истории еще основательнее.

Глава третья полностью сосредоточена на функционировании в романах поэтических (художественных) принципов, средств и приемов, с одной стороны, обеспечивающих жанровое единство, а с другой – маркирующих постмодернистскую окраску сюжетосложения, композиции и повествования. На стр. 246 О.А.Джумайло декларирует идеологию этой главы, подчеркивая, что анализирует в ней прежде всего художественную реконструкцию «Я» героя-протагониста (нередко и рассказчика) в ситуации драматического самопознания, которое осложнено философией эпистемологической неуверенности и которое реализуется – чем дальше, тем больше – через вопрошение и через трудное и болезненное обретение своей идентичности. При этом даже если обретение самоидентичности не «прописано», а акцентирована ее потеря, оно неизбежно, так как писатели трактуют идентичность не узко национально, а обобщенно философски как человечность вообще. Одновременно исследователь акцентирует нарочито подчеркиваемую самими писателями, чьи произведения она анализирует, «сделанность» исповедей, сконструированность, порою их принципиальную «разведенность» с реальностью, что, по мнению О.А.Джумайло, особенно вписывает эти произведения в постмодернистскую поэтику. Последующие шесть разделов главы, построенные на методе «пристального чтения» (*close reading*), весьма развернуто демонстрируют своеобразие поэтического функционирования мотива двойничества, принципов «ненадежного рассказчика», парадокса, монтажа, «матрешки», лейтмотива. Подчеркну, что в этой главе автор обращается и к уже осмыслившимся в диссертации романам, и к до того не попадавшим в поле зрения исследователя произведениям: «Глядя на солнце» Барнса, «Художник зыбкого мира» Исигуро, «Информация» Эмиса, «Дэниел Мартин» Дж.Фаулза, например (последний, правда, я никогда не числил по списку постмодернистских). Подчеркну также, что особое внимание автора к принципу лейтмотива как инструменту, обеспечивающему структурную и семантическую связность текста произведения (см. стр. 252), кажется оправданным, поскольку это очень важно для исповеди (саморефлексии), обеспечивает ее внутреннее единство и целостность. В разделах главы немало наблюдений над текстами произведений, которые, с одной стороны, вписывают их в предлагаемую О.А.Джумайло концепцию жанра и его роль в едином английском литературном процессе, утверждают некую тождественность поисков авторами адекватных художественных форм для воплощения своих

концепций и идей (кстати вовсе не всегда постмодернистских), а с другой – демонстрируют художественное своеобразие каждого из писателей.

Одновременно не могу не высказать еще несколько **замечаний**. Во-первых, жаль, что авторы, произведения которых не попали в эту главу, остались, так сказать, без поэтического анализа на уровне их организации как речевого высказывания: «Водоземье», например, с его отнюдь не простой повествовательной структурой и словесно-образной организацией в целом, «Искупление» с его различными регистрами художественной речи во всех трех частях. Думаю, что отнесение в третью, финальную главу разговора о собственно поэтическом своеобразии несколько умаляет важность художественной стороны анализируемого явления; во всяком случае, некое ощущение «каталога» поэтических приемов, характеризующих жанр, третья глава оставляет. Хотя докторантка в предыдущих главах все равно была обязана (и она это делала) говорить о собственно поэтической реализации тех или иных концептуальных (проблемно-тематических) аспектов романа-исповеди. Конечно, я понимаю замысел: третья глава призвана дать некую стратегию чтения и нахождения смысловой связности исповедально-философского жанра, особенно в условиях осложнения жанровой структуры элементами постмодернистской поэтики и общей мировоззренческой установки эпистемологической неуверенности, а то и коллапса. Не могу не сделать **замечание**-предложение: некоторые пассажи поэтического анализа смотрелись бы более убедительно, обращаясь автор чаще к текстам произведений на языке оригинала, особенно в те моменты, когда речь идет о словесно-образной фактуре.

Безусловно, одна из сложностей формирования структуры работы была связана с тем, что О.А. Джумайло надо было просто «разнести» тридцать с лишком анализируемых романов по главам и разделам, чтобы избежать повторов и найти для каждого из произведений свое аналитическое ядро, что, отмечу, в целом удалось сделать: при всех тех замечаниях, которые были высказаны, докторантка оставляет впечатление очень основательного и глубокого исследования не только типологии одного жанра исповедально-философского романа (правда, все же мне не хватило более акцентированного внимания ко второй составляющей определения жанра – философской), но и целостности английского литературного процесса последней четверти XX в.

О.А.Джумайло создала интересное исследование достаточно сложного, но характерного для литературы Великобритании 1980 – 2000 гг. феномена. Работа отличается острой проблемностью, смелой постановкой ряда еще не решенных отечественной наукой вопросов развития английского литературного процесса рубежа тысячелетий как целостности, в том числе сложных связей культурной, политической, социальной жизни Британии и искусства, литературы, культуры. Работу отличает также серьезная теоретическая и историко-литературная фундированность. Опыт системного поэтического анализа сложных жанровых образований, каким является

исследуемый О.А.Джумайло жанр исповедально-философского романа, безусловно, интересен, полезен и плодотворен. Он открывает немало горизонтов для дальнейшего исследования и самого явления, и литературы Великобритании в целом.

Нет сомнений, диссертация Ольги Анатольевны Джумайло «**Английский исповедально-философский роман 1980 — 2000 г.**», соответствует пункту 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842, и является научно-квалификационной работой высокого уровня. В ней на основании выполненных автором сравнительно-типологических исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение: разработана теория исповедально-философского романа, серьезным образом уточнен ряд существенных явлений в истории литературы современной Великобритании, предложено решение научной проблемы функционирования в художественной практике писателей Великобритании 1980 — 2000 гг. эстетики и поэтики постмодернизма, имеющей важное значение для понимания общей динамики не только конкретной национальной, но и мировой литературы обозначенного периода. Работа О.А.Джумайло вносит существенный вклад в отечественную литературоведческую науку, в которой проблемы, поднятые и освещенные в диссертации соискателя степени доктора филологических наук, до него не получали такого основательного решения.

Автореферат и имеющиеся публикации — монография, 16 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, 32 статьи в других изданиях — полно отражают основное содержание работы.

Полагаю, что **Ольга Анатольевна Джумайло** заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (американская и европейская литература).

Официальный оппонент,
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой литературы и культуры,
декан факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального
исследовательского университета


Б.М.Прокурин

Почтовый адрес: 614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15. ПГНИУ, факультет СИЯиЛ,
ауд. 121. Телефон: 8 342 2396637 bproskurnin@yandex.ru

